

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЗАОНЕЖЬЯ в конце XV в.

Чибисов Борис Игоревич,

*кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теологии
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
(г. Тверь, РФ), Chibisov.BI@tversu.ru*

На северном побережье Онежского озера находится Заонежский полуостров, или Заонежье, сохранившее значительный пласт прибалтийско-финских географических названий. Средневековая этническая история этого региона остается слабоизученной. Это связано с тем, что концом XV в. датируются новгородские писцовые книги, топонимический и антропонимический материал которых остается не вполне востребованным историками. Его изучение дает возможность пролить свет на этническую историю Заонежья.

Основным источником исследования послужила писцовая книга Обонежской пятины 7004 (1495/96) г. Дескриптивный метод исследования состоит в выявлении и фиксации прибалтийско-финских ойконимов (названий сельских поселений) и антропонимов, упоминаемых в писцовых книгах. Прибалтийско-финские антропонимы выявлены в результате анализа формальных показателей заимствования антропонимов.

Средневековая колонизация Заонежья славянами приводила к тому, что этнический состав расположенных здесь погостов становился смешанным. Претензии бояр на местные земли, освоенные прибалто-финнами, приводили к конфликтам как минимум уже во второй половине XIV в. Имена жителей Заонежья представлены главным образом календарными именами в славянской форме, что отражает, во-первых, значительную долю славян в этом регионе; во-вторых, не следует исключать влияние славянских культурных и религиозных традиций на местное прибалтийско-финское население, многие представители которого, судя по именам, принимали православие.

Писцовая книга в сохранившихся фрагментах и более ранние акты говорят о том, что к концу XV в. северное побережье Онежского озера было заселено представителями различных этнических групп: славянами, карелами и вепсами, об этом свидетельствуют данные антропонимии и топонимии Заонежского полуострова.

Ключевые слова: Новгородская земля; писцовые книги; Заонежье; ономастика; карелы; вепсы.

Для цитирования: Чибисов Б. И. Этнический состав населения Заонежья в конце XV в. // Финно-угорский мир. 2019. № 1. С. 73–85.

Введение

Полиэтничность населения средневековой Новгородской земли ярко иллюстрируется на примере Обонежской пятины, территория которой тесно связана с прибалтийско-финскими этническими группами – карелами, вепсами и саамами. Обонежская пятина, самая северная и крупная по площади из новгородских пятин, сформированная вокруг Онежского озера, тянулась расширявшейся полосой от Новгорода к северо-востоку, до Белого моря. На северном побережье Онежского озера находится Заонежский полуостров, или Заонежье, где сохранился значительный пласт прибалтийско-финских географических названий. При всем внимании, которое уделяют лингвисты этому региону, его средневековая этническая история остается слабоизученной.

Это связано с тем, что концом XV в. датируются новгородские писцовые книги, значимость которых традиционно оценивалась с социально-экономической точки зрения. Между тем содержащийся в них топонимический и антропонимический материал остается не вполне востребованным со стороны историков. Изучение этого материала дает возможность пролить свет на этническую историю позднесредневековой Новгородской земли, особое место в которой занимает Заонежье.

Обзор литературы

Одна из ранних отечественных работ по истории Карелии принадлежит С. С. Гадзяцкому. Автор отметил, что топонимы Обонежья в XV в. были преимущественно карельского происхождения. По мнению

Гадзяцкого, это свидетельствует в пользу автохтонности карелов на указанных территориях [5, 5]. Непосредственным продолжением книги Гадзяцкого был труд Р. Б. Мюллер, охватывающий историю Карелии конца XV–XVII вв. Мюллер указала, что в XV в. население Обонежья было смешанным с преобладанием славян. Она делала особый акцент на анализе отдельных топонимов региона, которые, с ее точки зрения, были финского происхождения. Неславянскими были преимущественно гидронимы. При этом автор подчеркивала, что прибалтийско-финские названия урочищ, озер и рек необязательно дают сведения о составе окрестного населения; они могут говорить лишь о том, что в какое-то время в этой местности проживали карелы. Большое значение имеют ойконимы, т. е. названия поселений: Мюллер предполагала, что большинство деревень в XV в. едва ли могли быть очень древнего происхождения. Обилие карельских названий деревень могло косвенно указывать на значительную долю карельского населения в той или иной местности, однако «писцовые книги мало дают подобных названий» [10, 17]. В целом это крупное исследование затронуло лишь отдельные топонимы без антропонимических данных; кроме того, остается неясным, на основе каких источников автор приходит к выводам о соотношении тех или иных этнических групп.

М. В. Витов, занимавшийся проблемой происхождения гнездового типа расселения на Севере, на основе писцовых книг пришел к выводу, что группы деревень Обонежской пятины обычно носят прибалтийско-финские названия, а отдельные деревни – славянские. Изучая новгородские акты, автор определил, что там встречаются «явно нерусские имена». Как и его предшественники, Витов воздержался от однозначной «этнической» интерпретации имен, упомянутых в актах и писцовых книгах, ограничившись общим заключением о присутствии неславянских народов в Обонежье [4, 37].

Историография Обонежья отличается тем, что она направлена преимущественно на изучение истории конкретных не-

славянских этнических групп – карел, вепсов и саамов. Средневековую историю вепсов по данным новгородских писцовых книг затронул В. В. Пименов. Анализ топонимов в его книге, согласно авторской характеристике, «самый поверхностный». При этом, по мнению Пименова, писцовые книги – это довольно надежный источник по этнической истории: учет всех неславянских имен, прозвищ и топонимов позволяет точно определить, какой именно этнос новгородские писцы подразумевали в том или ином месте. Применительно к концу XV в. Пименов строил свои выводы не только на современной тому периоду писцовой книге 1495/96 г., но и на более поздней книге 1564 г. [11]. Такая ретроспекция характерна для всех последующих исследований этнической истории Обонежья, поскольку писцовая книга 1495/96 г. сохранилась в отдельных фрагментах.

Существует обширный комплекс лингвистических исследований, основанных на топонимическом материале Заонежья. Крупные работы в этой области принадлежат И. И. Муллонен [8 и др.], Е. В. Захаровой¹, А. В. Приображенскому [13]. Авторы выявили топонимические системы Обонежья – славянскую, карельскую, вепсскую и саамскую. Существенным достижением является фиксация конкретных топонимических основ, определение их языковой принадлежности и этимологии.

Таким образом, к началу XXI в. появилось большое количество этноисторических и лингвистических исследований, касающихся Обонежья в XV в. Однако ономастический материал писцовых книг систематически исследователями не привлекался, что требует специального обращения к этой проблематике.

Материалы и методы

Основным источником исследования послужила писцовая книга Обонежской пятины 7004 (1495/96) г. Писцовые книги – это кадастры, систематизированные

¹ См.: Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2015.

по административно-территориальному принципу (т. е. по пятинам) и созданные с целью государственного учета земельных владений, проживающего на них податного и неподатного населения, а также объемов налогообложения. Описание Обонежской пятины 1495/96 г. проводилось под руководством Юрия Константиновича Сабурова. В 1501 г. он наместничал в Кореле. Книга Ю. К. Сабурова сохранилась с большими утратами текста – остались только ее отрывки. В историографии длительное время бытовало представление о дефектности материалов писцового описания Обонежья². Издание, подготовленное А. М. Андрияшевым, вышло в 1930 г. как первый выпуск «Материалов по истории Карельской АССР». В книге были опубликованы сохранившиеся части писцовой книги 1495/96 г.: к Заонежью относится выпись XVII в. с описанием Никольского в Шунге погоста³. Во втором томе «Писцовых книг Новгородской земли» была опубликована выпись на вотчину Никольского Вязищского монастыря в Егорьевском в Толвуе погосте из писцовой книги Сабурова. Выпись дошла до нашего времени в списке XVIII в.⁴

Прибалтийско-финский топонимический и антропонимический материал, отразившийся в писцовой книге Новгородской земли, изучался при помощи различных методов. Так, дескриптивный метод позволил выявить и зафиксировать прибалтийско-финские ойконимы (названия сельских поселений) и антропонимы, упоминаемые в писцовых книгах. Отмечены различные типы прибалтийско-финских ойконимов. В основе «вторичных», или локативных, ойконимов лежали названия физико-географических объектов, распространившиеся на образованные при них поселения (*деревня в Лахте*, *деревня в Пягвиярве* и др.). Особое место занимают наименования поселений, образованные посредством онимизации локальных физико-географических терми-

нов, отражающих характер местности. К этой группе ойконимов относятся названия, восходящие к финноязычным географическим терминам и / или имеющие их в своей структуре: *Мягисела* (*mägi* 'гора'), *Сапь* (*suari* 'остров') и др. Кроме того, в работе уделяется внимание неслavianским ойконимам, образованным от прибалтийско-финских некалендарных имен (*Игалово*, *Лембитово*) и календарных антропонимов в неслavianской форме (*Таруево*, *Митчуево*, *Силуево* и т. п.). Отмечались ойконимы, в структуре которых находится прибалтийско-финский *-l*-й формант (*Кургала*, *Кавгала* и др.).

Прибалтийско-финские антропонимы обнаружены в результате анализа следующих формальных показателей заимствования антропонимов: 1) фонетический маркер – сочетание звуков, не характерных для русской звуковой системы; 2) структурный маркер – формант *-уй* (*-ой*, *-ей*, *-ий*), отмеченный в составе личного имени или патронима, например: *Meloi*, *Romoi*, *Prokoi*. В неслavianских антропонимах особую группу составляют древние некалендарные имена прибалтийско-финского происхождения, такие, как *Вуктуй* / *Buxтуй* (*Vihtoi*), *Игала* (*Iha*, *Ihala*), *Лембум* (*Lemmity* / *Lemmetti*), *Ускал* (*Uskali*), *Товвод* (*Toivottu*). Записанные в новгородских писцовых книгах прибалтийско-финские антропонимы фиксировались и изменялись в соответствии с русской антропонимической формой рубежа XV–XVI вв.

Результаты исследования и их обсуждение

Несмотря на обширную историографию, представления исследователей об этнической картине Заонежья в XV в. довольно аморфны. Свою роль играет устоявшееся преувеличенное представление о дефектности материалов писцового описания Обонежской пятины 1495/96 г. Не стоит забывать, что в течение XVI в. в Новгородской земле описывались только отдельные категории земель, поэтому столь широкого охвата населения, как в конце XV в., уже не наблюдается. По этим причинам текст писцовой книги Обонеж-

² См.: Писцовые книги Новгородской земли. Москва, 1999. Т. 1. С. 20.

³ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Ленинград, 1930.

⁴ См.: Писцовые книги Новгородской земли. Санкт-Петербург, 1999. Т. 2. С. 183–196.

ской пятины 1495/96 г., пусть даже в сохранившихся фрагментах, требует особого внимания исследователей.

Итак, сохранилось описание лишь двух погостов Заонежья конца XV в. Никольский Шунгский и Егорьевский Толвуйский погосты находились на северо-востоке Заонежского полуострова, по мелким заливам северного побережья Онежского озера. Применительно к территории Заонежья информативен топонимический материал. В Шунгском погосте в конце XV в. располагались деревни, названия которых имеют общее прибалтийско-финское происхождение: оно прослеживается у названий деревень *Цилополе* < кар. *puoli*, вепс. *pol'* 'бок, край, сторона', в *Куднаволоке* < кар. *kut*, вепс. *kudo* 'нерест', в *Няпе* < кар. *näpi*, вепс. *när* 'конец' и на *Валгом озере* < кар. *valkato*, вепс. *vald-tad* 'причал, мостки'⁵. Перевод последнего лимнонима подтверждает расположенная рядом «деревня противу погоста за мостком»⁶. Деантропонимные названия представлены в подавляющем большинстве ойконимами, образованными от календарных имен в славянской форме. Прибалтийско-финские именованья были единичными: *Лембитово* < *Лембит* < *Lemity*, *Вачуево* < *Вачуй* < *Иван*, *Ходрилское* < *Huotarila* < *Huotari* < *Феодор*, *Оринское* < *Orih* < вепс. 'конь, жеребец'. Имена, лежащие в основе этих ойконимов, могут иметь как карельское, так и вепсское происхождение, поэтому невозможно отнести их к конкретной этнической группе.

В Шунгском погосте на уровне топонимии отражены пути сообщения – волоки и зимние дороги. Об этом говорят названия деревень на *Виж-матке*, на *Лопской матке* и у *Региматки* (кар. *matka*, вепс. *matk* 'волок'). Топоним *Региматка* связан с зимней дорогой, идущей через Шунгский погост (кар., вепс. *regi* 'сани'). Славянской калькой прибалтийско-финского топони-

ма *Региматка* является название деревни у *зимника*⁷.

Самое крупное гнездо поселений в Шунгском погосте – это группа из более чем 10 деревень в *Хоймове губе*. Возможной оригинальной формой топонима было название *Hoimelahti* [1, 51]. Сохранение звука [x] при адаптации в древнерусском языке прибалтийско-финских топонимов на *h* свойственно карельским топонимам⁸. Карельское происхождение можно усматривать у названий деревень на *Хаши-озерке* / *Фаши-озерке*, на *Вирнаволоке* < *viarä* 'кривой', на *Кокишину острову* / *Куксоинском острову* < *kuik-so* 'кукша, ронжа', на *Лембой-наволоке* < *lemboi* 'нечистая сила, злой дух, дьявол'. С карельским словом *selkä* 'каменистая гряда' связан ойконим *Кягреево селга*.

Вепсское происхождение имеют названия поселений на *Пуд-берегу* (*rüüd*, *röüd* 'поле'), на *Киштове* (*kišt* 'заросли кустарника или ягодного растения') и на *Самбине* (*samba* 'лягушка'). В писцовой книге зафиксированы полные кальки последнего гидронима, полученные в результате его полного перевода, – деревни на *Жаб-губе* и на *Жаб-наволоке*. Несмотря на их славянский облик, оба топонима имеют вепсское происхождение. Присутствие в Заонежье топонимов-калек свидетельствует о двуязычии местного населения и проживании здесь как прибалто-финнов, так и славян. К вепским ойконимам могут быть отнесены ойконимы со славянскими формантами *-ичи* / *-ицы*: деревня *Кайбиницы*, деревни в *Пайницах на берегу*, в *Паханичах*, в *Верговичах*, на *усть Кехтиницы*⁹. Перечисленные названия – это в своей основе скрытая славянской адаптацией вепсская топонимия с *-l-m* формантом¹⁰.

В Толвуйском погосте также отмечается прибалтийско-финская топонимия, значительная часть которой может принадлежать и к карельскому языку, и к вепсскому. Название погоста происходит

⁵ См.: Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: слов. с историко-культур. коммент. Петрозаводск, 2008. С. 50, 91.

⁶ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 7.

⁷ Там же. С. 2–4, 8.

⁸ См.: Захарова Е. В. Указ. соч. С. 129.

⁹ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 1, 2, 5, 8.

¹⁰ См.: Муллонен И. И. Указ. соч. С. 184.

от гидронима *Толвуя* со значением ‘зимний ручей’ (кар. *talvi*, вепс. *tal’v* ‘зима’, кар. / вепс. *oja* ‘ручей’). Топонимические основы названия *Толвуя* не принадлежат к этнодифференцирующим, однако Муллонен осторожно высказывается в пользу вепсского происхождения гидронима [8, 71]. Общую основу имеют названия *Кузаранда* и *Куз-наволоок* < кар. *kuuzi*, вепс. *kuz* ‘ель’. Топоним *Кузаранда* – транслитерированное в древнерусском языке прибалтийско-финское географическое название со значением ‘еловый берег’ (кар. *randu*, вепс. *rand* ‘берег’). Топонимы *Корбо-речка* и *Корбо-наволоок* имеют в своей основе ландшафтный термин *korbi* / *ko’rb* ‘дебри, глушь, тайга’. Славянской калькой гидронима *Корбо-речка* было название *Бор-речка*¹¹. Фиксация двух названий одной реки свидетельствует о том, что население использовало как прибалтийско-финский оригинал, так и славянский перевод гидронима. Карельское происхождение имеет лимном *Вирозеро* (*vi-arä* ‘кривой’), предположительно вепсское – *Туб-озеро* (*tobg* ‘большой’).

Таким образом, подавляющее большинство прибалтийско-финских ойконимов Заонежья являются вторичными: они образованы от названий географических объектов, рядом с которыми располагались поселения. В Шунгском и Толвуйском погостах широко распространены полукальки, возникшие в результате адаптации сложных по структуре прибалтийско-финских топонимов славянской системой географических именований. Продуктивность полукалек с элементами *-озеро*, *-река*, *-губа* и *-наволоок*, возникших путем перевода прибалтийско-финских топонимов, должна рассматриваться как свидетельство прочного освоения северного побережья Онежского озера карелами и вепсами¹². Широкое распространение прибалтийско-финской гидронимии может считаться аргументом

в пользу освоения прибалто-финнами территории Заонежья. Ко времени описания конца XV в. многие названия поселений уже получили форму славянских калек и полукалек, что свидетельствует о тесных этнокультурных контактах славян и прибалто-финнов.

Некоторые наблюдения позволяет сделать антропонимикон Заонежья. Писцовая книга фиксирует преимущественно календарные антропонимы в их славянской форме, что, несомненно, отражает влияние славян на практики именования местного населения. Что касается прибалтийско-финских имен, то с точки зрения лингвистики значительная часть этих антропонимов может восходить в равной степени к карельским и вепским корням [14, 474]. Ввиду близкого родства этих языков однозначная этническая интерпретация имен не всегда возможна. Прибалтийско-финская антропонимия концентрируется в погостах, расположенных на Заонежском полуострове. В Шунгском погосте отмечено наибольшее число носителей прибалтийско-финских патронимов: они составляли приблизительно 4,5 % от записанных в писцовую книгу жителей.

В деревне *Пайницы на берегу* проживали *Першка да Якушка да Кондратко Керкины*, в деревне *Строгово – Ивашко Керкин, да его дети, Микитка да Янушко*¹³. Патроним *Керкин* имеет известное происхождение: «Мотив именования связан с переосмыслением апеллятива *керка*, зафиксированного в говорах в значении “деревянный кружок, надеваемый на конец шеста, которым при рыбной ловле ударяют по воде”»¹⁴. Географическое расположение упомянутых деревень и значение антропонимов позволяют предположить, что население занималось преимущественно рыбной ловлей. В *Паницах же* упоминается *Гаврилко Керкин*: возможно, его патроним восходит к прибалтийско-финской фор-

¹¹ См.: Писцовые книги Новгородской земли. С. 187.

¹² См.: Муллонен И. И. Указ. соч. С. 172.

¹³ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Ленинград, 1930. С. 1–2.

¹⁴ Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. Санкт-Петербург, 2010. С. 212–213.

ме имени *Кирилл* – *Kirki* [16, 81]. Неоднократно в погосте встречаются носители патронима *Вачуев*, производного от календарного имени *Василий* (*Vatšoi*): «Деревня в наволоке ж: Грідка Вачуев да сын ево Сенка», «деревня Вачуево Гричковская: Петрок Вачуев да сын его Федко да Ивашко», «деревня на Товойс-не наволоке: Васко Вачюй»¹⁵. Ойконимы, образованные от патронима *Вачуев*, сохраняются в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г.: отмечены *деревня Вачуевых* и *деревня Вачуевская* словом *Кайдушова на горки*¹⁶.

Среди носителей прибалтийско-финских имен в Шунгском погосте встречаются *Микулка Кокуев*, *Пантелейко Нечуев*, *Ларионик Мелгуев*, *Ивашко Габунев*, *Фофанко Поскочев*. Патроним *Кокуев* восходит к распространенному в карельской и вепсской среде прозвищу *Kikoi* (*kikoi* ‘петух’). Отчества *Мелгуев* и *Нечуев* также имеют прибалтийско-финскую форму. Первое связано с календарным именем *Мелгуй* < *Мелентий* / *Емельян*, второе – с некалендарным славянским именем *Нечай* или карельским словом *neičoi* ‘девушка’¹⁷. Патронимы *Габунев* и *Поскочев* относятся к числу вепсских некалендарных антропонимов *Габун* < вепс. *habuk* ‘ястреб’ и *Паскач* < *paskatč* ‘воробей’¹⁸. Дважды встречаются носители прозвищ – *Сенка Корелянин* и *Якуш Новгородец*¹⁹. Определить характер первого прозвища трудно: возможно, этот человек был карелом и / или мигрантом из Корельского уезда Водской пятины. В писцовой книге 1563 г. сохранился ойконим – *деревня на Усть Кехтениц Сенкинской Корелянинова*²⁰. Прозвище *Новгородец* носит топонимический характер и косвенно говорит о том, что носитель прозвища пришел в Шунгский погост из Великого Новгорода или его ближайшей округи.

В тексте выписи на вотчину Никольского Вяжищского монастыря в Егорьевском Толвуйском погосте также присутствуют прибалтийско-финские патронимы: в деревне на *Толвие* проживали *Петрок Тимуев* (*Timui* < *Тимофей*) да сын его *Фефилко*, в другой деревне на *Толвие* – *Якуш Равкуев* (*Raukui* < карел. *raukka* ‘бедняга, горемыка’), в третьей – *Сенка Пармин* (карел. *puarmi*, вепс. *parm* ‘слепень, овод’). Аналогичный патроним встречается в деревне в *Губе в Куз-наволоке* – там были записаны *Прокошко Пармин* да сын его *Микита*. В деревне на *Туб-озере* упоминается *Куземка Рякуев* (*Räku* < вепс. *räk* ‘горячий, резвый’). *Юхно Марков Вахкуев* жил в деревне в *Губе* (*Vahkui*). Двор *Андрейки Перзатина* (вепс. *perze* ‘зад’) находился в деревне на *Рудове в Наволоке*. Среди этнических прозвищ есть упоминание *Корелянина* – это *Палка Лобиков Корелянин Красной*, проживавший в одной из деревень на *Толвие*.

Все перечисленные жители Толвуйского погоста были крестьянами. Наряду с крестьянскими в писцовую книгу были также записаны дворы «торговых людей, которые приезжают из города на лодьях, купцы городские торгом промышляют»²¹. В этих дворах проживали 30 человек, часть которых были жителями Великого Новгорода. Об этом говорит использование прозвища *Новгородец* и указание конкретной улицы, где проживали купцы: «Никифор Попов Фавустов с Петровские улицы с Неревского конца да Агафон Романов с Яковли улицы... Александр Милухнов с Яковли улицы... Палка Июдин да Михал с Яковли ж улицы... Андрюфейко Июдин с Холопыи улицы... новгородец Онтропов з Даславлли улицы... Ануфрей Агафонов Новгородец с Петровские улицы с Простка из Неревского конца... Терех Кудрявец с Ыворо-

¹⁵ См.: Захарова Е. В. Указ. соч. С. 35; Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен... С. 85; Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 3–5.

¹⁶ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 149–150.

¹⁷ См.: Кюршунова И. А. Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2017. С. 322.

¹⁸ См.: Муллонен И. И. Указ. соч. С. 157.

¹⁹ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 4, 6.

²⁰ Там же. С. 150.

²¹ Писцовые книги Новгородской земли. С. 195.

вы улицы с Плотницкого конца»²². Есть единственное упоминание «купца городского» с неславянским патронимом: это *Михал Вашуев*, патроним которого происходит от прибалтийско-финской формы календарного имени *Василий / Vašui*. В итоге лишь 9 человек из записанных 360 (2,5 %) имели неславянские формы патронимов. Этот процент относится не к Толвуйскому погосту в целом, а только к вотчине Вяжищского монастыря.

Таким образом, антропонимия погостов Заонежья носит смешанный характер: в ней преобладают славянские элементы, прибалтийско-финские – немногочисленны. Прозвища жителей *Корелянин* и *Новгородец* косвенно свидетельствуют о том, что на территорию Шунгского и Толвуйского погостов направлялись мигранты. Это отражается в количественных показателях переписи. В Шунгском погосте численность «людей» выросла по сравнению со «старым письмом» на 27 %. В вотчине Вяжищского монастыря в Толвуге прибавились 138 человек, или 38 % налогоплательщиков. Приток населения в Заонежье можно объяснить по-разному. С одной стороны, регион был географически и экономически привлекательным: разветвленная система судоходных рек и озер с небольшими водоразделами создавала благоприятные условия для торговых отношений с Новгородом, Двиной и Поморьем [2, 251]. С другой стороны, заонежские погосты были значительно удалены от границы с Западом, где периодически случались пограничные конфликты. Военные столкновения со шведами и, как следствие, разрушения приладожских карельских погостов вынуждали карел продвигаться восточнее, на территорию Обонежья.

Более ранние источники подтверждают присутствие в Заонежье как славян, так и прибалто-финнов. В числе таких источников – «данная» грамота шунжан, которая датируется 1475–1480-ми гг. Ряд жителей Шунгского погоста и «все шунжане» (видимо, правоспособное насе-

ление погоста) передали несколько земельных участков, расположенных в Шунге и Толвуге, в пользу церкви святителя Николая в Шунге. Судя по грамоте, были переданы земли 5 деревень: *Линдиево сиденье* – в Шунгском погосте, *Гавшино сиденье*, *Мустуево сиденье*, *Харково сиденье* и *Цыбуруев наволоок* – в Толвуйском. Площади переданной земли из грамоты неизвестны, однако в писцовой книге 1495/96 г. указываются 4 церковные деревни на Толвуге на *Чумбор-наволоке* (*Цыбуруев наволоок* грамоты), земли которых составляли 2 с полутретью обжа. Кроме того, небольшой участок в 0,5 обжа имелся и при самой церкви в Шунге: «на погосте церковь великий Никола... пол обжа»²³.

Некоторые жители, упомянутые в грамоте, имели прибалтийско-финские имена: *Петр Адкин*, *Тоивод Идуев* и *Яков Орин*. Каждый из них упоминается с «детьми и с племянем». *Оницута Иванов*, *Волос Петров*, *Иван Кондратов* и *Кирка* носили имена в славянской форме и были записаны с «братъею» или с «детми»²⁴. Такое различие дало М. В. Витову повод считать, что прибалто-финны, в отличие от славян, жили более обширными («племенными») коллективами [4, 37]. Тем не менее передача земли была осуществлена шунжанами совместно, несмотря на их различие в этнической принадлежности и социальной организации. Более того, жители погоста рассматривали себя в качестве общности, о чем говорит характерная для новгородских актов формулировка «все шунжане».

О более раннем периоде истории Заонежских погостов свидетельствует текст мировой грамоты, датируемой 13 июля 6883 (1375) г. С. Н. Валк отнес грамоту к числу фальсификатов по ряду причин: во-первых, акт датирован числом, месяцем и годом; во-вторых, имеет два рукоприкладства; в-третьих, называется «записью». Все это отличает более поздние грамоты XVI в. [3, 314]. Как показал В. Л. Янин, признаки фальсификата нахо-

²² Писцовые книги Новгородской земли. С. 195–196.

²³ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 147.

²⁴ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва; Ленинград, 1949. С. 310.

дятся только в последних строках грамоты, сохранившейся в списке XVII в. Таким образом, элементы фальсификации созданы с целью придать грамоте характер документа XVII в., при этом основная часть грамоты соответствует древнему оригиналу²⁵.

В подписании договора принимали участие две стороны. Одну сторону представляли староста Вымоченского погоста Артемий «прозвищем Оря», шунгские смерды Иван Герасимов, Василий «прозвищем Стоивор» Глебов, а также Игнатий «прозвище Игоча» и Осафий Перфильевы. Помимо указанных лиц в грамоте упоминаются общности – «все шунжане, и все толвьяне, и все кузарандцы, и все вымоченцы», под которыми можно понимать правоспособное население погостов²⁶. Эти общности выделены по географическому принципу: «шунжане» и «толвьяне» проживали на северо-востоке Заонежского полуострова, т. е. там, где в конце XV в. известны Шунгский и Толвуйский погосты. Местность *Кузаранда* по описанию 1495/96 г. входила в состав Толвуйского погоста и, значит, также находилась на Заонежском полуострове. Неизвестно, проживали ли «кузарандцы» в 1375 г. в отдельном погосте, либо они относились к Толвуге.

Другую сторону договора представлял боярин Григорий Семенович с двумя сыновьями, владевшие землей и угодьями в Челмужском погосте. В результате подписания документа стороны «докончаша миръ» и «межу в Челмужскомъ погосте урядили», так что шунжане, толвьяне и кузарандцы обязались «не вступатися... в тую Григорьеву землю да в ту межу». Земля и угодья передавались «челмужскому боярину Григорью и его детямъ во веки»²⁷.

В грамоте прямо не оговариваются причины конфликта, но их можно установить исходя из текста заключенного договора. Известно, что Петровский Челмужский погост, где владел землей Гри-

горий Семенович, находился напротив Шунгского и Толвуйского погостов, на северо-восточном берегу Онежского озера. Таким образом, «мировой» характер грамоты, проведение межи и близкое расположение погостов относительно друг друга свидетельствуют о наличии территориального конфликта между жителями погостов Заонежского полуострова и боярином. Предметом конфликта выступала земля и угодья в Челмужском погосте, на которые, вероятно, претендовали жители с противоположного берега.

Интерес жителей Шунги, Толвуи и Кузаранды в разрешении конфликта вполне понятен: они пользовались землей, смежной с боярской. Однако первым в грамоте фигурирует староста Вымоченского погоста Артемий Оря. Попытка объяснить его участие в размежевании земель в Заонежье уже предпринималась в историографии. По мнению А. Н. Шурыгиной, Вымоченский погост находился в Заонежье, рядом с Шунгским, Толвуйским и Чулмужским погостами. Это были погосты с «черным» населением, которые выросли вокруг Палеостровского монастыря [15, 32].

Янин считал, что Вымоченский погост как самостоятельная административная единица с таким названием не существовал. Он предположил, что с севера к Челмужскому погосту примыкал Выгозерский погост, тождественный Вымоченскому. В наименовании последнего, как оно передано в грамоте, возможно предполагать испорченное чтение «Вымолченский». Как заключил автор, «вымольцами назывался один из карельских родов на территории Выгозерского погоста»²⁸. Таким образом, согласно Янину, Вымоченский (он же – Выгозерский) погост граничил с Челмужским, а поземельный конфликт жителей с боярином имел чисто экономический характер. В целом, и Шурыгина, и Янин стремились разными способами показать, что все упомянутые в мировой грамоте погосты

²⁵ См.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: хронолог. коммент. Москва, 1991. С. 236.

²⁶ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 285.

²⁷ Там же.

²⁸ Янин В. Л. Указ. соч. С. 237.

находились рядом, в Заонежье. Это логично вписывается в картину «пограничного» спора. Однако второе название Выгозерского погоста как «Вымолченского» неизвестно по другим источникам, тем более родовая территория вымольцев находилась в северо-западном Приладожье, где известен топоним *Вымолский наволоок*.

Между тем можно предложить еще один вариант объяснения того, почему первым в грамоте упомянут староста Вымоченского погоста. Предполагать испорченное чтение названия этого погоста в грамоте нет необходимости, поскольку по источникам хорошо известны и название этого погоста, и его географическое расположение. Под «Вымоченским погостом» мировой грамоты следует понимать Имоченицкий погост на реке Ояти: именно под таким названием он фигурирует в писцовой книге 1563 г.²⁹ Имоченицкий погост известен как *Вымоченицкий* по сказанию о Тихвинской иконе Богородицы «Одигитрия». В 5 версиях этого сказания, относящихся к концу XV–XVI в., прямо указано, что впервые явление иконы произошло в месте, называемом *Вымоченицы*, расположенном на Ояти [7, 110]. Поместная грамота Новгородского митрополита Варлаама сыну боярскому Михаилу Вындомскому упоминает пустоши «въ Вымоченецком погосте, на Ояти»³⁰. Писцовыми книгами зафиксированы 2 формы не только названия самого погоста, но и топонима *Имоченицкий* / *Вымоченицкий наволоок*, также находившегося на реке Ояти³¹.

Ойконим *Имоченицы* входит в число других известных названий с конечным *-ицы*, замещающим в процессе славянской адаптации конечный *-l* вепсского оригинального ойконима *Himačal*. Этот ойконим восходит к древнему вепсскому антропониму *Hima* в значении ‘желанный, долгожданный (ребенок)’, оформленному словообразовательным суффик-

сом *-č-* (*Himač*) [9, 87]. Двойная форма топонима в русских источниках обусловлена тем, что в процессе фонетической адаптации прибалтийско-финских названий в славянской системе имен происходит наращение протетического *в*, сопровождающееся переходом *и* в *ы* (например, *Ихлевица* / *Вихлевица*, *Вирозеро* / *Вырозеро*)³².

То есть Артемий Оря был старостой погоста, находившегося в юго-восточном Приладожье. Важно отметить, что староста упомянут в грамоте не один, но «со всемъ племянемъ». Здесь возникает вопрос об интересах имоченицкого старосты и его «племени» в имущественном споре в Заонежье.

А. Ю. Жуков справедливо утверждал, что, хотя погост находился на Ояти, колонизируемые им земли были в Шунгском и Толвуйском погостах [6, 13]. Экономическая сторона спора здесь очевидна, но есть и другая грань. В этой связи важно обратить внимание на антропонию грамоты. Прозвище старосты Имоченицкого погоста, Артемия, может восходить к прибалтийско-финскому прозвищу *Orih* < *orih* ‘конь, жеребец’. Участвовавшие в заключении мировой некоторые шунгские смерды также имели прибалтийско-финские прозвища: *Василий «прозвищемъ Стоиворъ»* Глебов и *Игнатий «прозвище Игоча»* Перфильев. Если видеть в носителях прибалтийско-финских прозвищ представителей неславянского населения, то на основании родственной связи к ним нужно отнести и брата Игнатия – *Осафия Перфильева*. Об этнической принадлежности *Ивана Герасимова* из Шунги однозначно сказать ничего нельзя. Сам боярин *Григорий Семенович* и его дети – *Обакун* и *Савелий* – носили календарные имена в славянской форме и были, по всей вероятности, славянами.

Названные выше прибалтийско-финские прозвища могут иметь как карель-

²⁹ См.: Писцовые книги Новгородской земли. С. 100.

³⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург, 1841. Т. 1. С. 460.

³¹ См.: Писцовые книги Новгородской земли. С. 247, 249.

³² См.: Муллонен И. И. Указ. соч. С. 148.

ское, так и вепсское происхождение. Однако в данной ситуации можно сделать более определенные выводы. Как известно, Имоченицкий погост находился на реке Ояти. До середины XX в. все юго-западное побережье Онежского озера было вепским. Большое количество вепских деревень сохранилось именно на Ояти: проживавшую здесь группу вепсов именovali приоятскими [12, 4].

Таким образом, в грамоте предстает совершенно конкретная общность – вепсы Имоченицкого погоста со своим старостой, который, как показывает прозвище, был вепсом. Упомянутые в грамоте смерды также могут быть отнесены к вепсам, поскольку, во-первых, они имели прибалтийско-финские прозвища и, во-вторых, в их конфликт вмешались староста и «племя». Следовательно, были затронуты не только экономические интересы, но и этнические. Земли (или их часть) Шунгского и Толвуйского погостов рассматривалась вепским «племенем» как ему принадлежавшие, несмотря на то, что участки находились в собственности боярина. Конфликт жителей Заонежских погостов с боярином привел к реакции приоятских вепсов.

Примечательно то, что жители погостов самостоятельно решают вопрос о границах земель, без привлечения других бояр или центральной новгородской администрации. Описанный конфликт во многом отражает не только конфронтацию экономических, территориальных интересов бояр и местного населения, но и различное понимание отдельными представителями славян и прибалто-финнов категории правовой нормы. Хотя боярин имел право собственности на свои земельные владения, это право вряд ли признавалось жителями пограничных погостов, и они продолжали пользоваться угодьями боярина. С точки зрения самого боярина, «нарушителями» его законных прав выступали жители погостов. Важно заметить, что в итоге местные жители, действительно, уступили стороне Григория Семеновича. Вероятно, конфликт был серьезен, если в его разрешении потребовалось участие старосты Имоче-

ницкого погоста «со всем племенем». Это показывает, что земельные вопросы в среде вепсов решались коллективно, в то время как боярин Григорий Семенович действует индивидуально, в рамках «новгородских» представлений о правовой норме.

Для общей языковой картины региона можно отметить, что составители грамоты в качестве новых границ земельных владений называют *селги возле Онега озера*. Слово *сельга* (*selgä*) имеет прибалтийско-финское происхождение и обозначает возвышенности. При заключении мировой слово понималось всеми сторонами и не требовало наличия перевода. Это говорит о том, что уже к последней четверти XIV в. оно прочно вошло в русские говоры Заонежья из прибалтийско-финских языков. Использование прибалтийско-финской оригинальной лексики является отдельным примером, иллюстрирующим межэтнические контакты в Заонежье.

Заключение

Колонизация Заонежья приводила к тому, что этнический состав расположенных здесь погостов становился смешанным. Появление славян в Заонежье, претензии бояр на местные земли, освоенные прибалто-финнами, приводили к конфликтам как минимум уже со второй половины XIV в. В целом, писцовая книга в сохранившихся фрагментах и более ранние акты свидетельствуют, что к концу XV в. северное побережье Онежского озера заселяли представители различных этнических групп – славяне, карелы и вепсы. Об этом говорят данные антропологии и топонимии Заонежского полуострова. Имена жителей представлены главным образом календарными именами в славянской форме, что отражает, во-первых, значительную долю славян в этом регионе (в Шунгском и Толвуйском погостах наблюдается значительный рост населения); во-вторых, нельзя исключать влияния славянских культурных и религиозных традиций на местное прибалтийско-финское население, многие представители которого, судя по именам, принимали православие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агапитов В. А. О происхождении названий заонежских деревень Вороний Остров, Фоймогуба, Мягрозеро, Сайпелда и Мунозеро // Кижский вестник. 2001. № 6. С. 51–64.
2. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 402 с.
3. Валк С. Н. Начальная история новгородского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. ст. Москва; Ленинград: АН СССР, 1937. С. 285–318.
4. Витов М. В. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 27–40.
5. Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941. 196 с.
6. Жуков А. Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. Вып. 1. С. 7–19.
7. Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1 (15). С. 102–120.
8. Муллонен И. И. Дороги старой Толвуи в топонимии // Кижский вестник. 2002. № 7. С. 71–78.
9. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с.
10. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. 175 с.
11. Пименов В. В. Вепсы: очерк этнич. истории и генезиса культуры. Москва; Ленинград: Наука, 1965. 264 с.
12. Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности: сб. ст. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1989. С. 4–26.
13. Приображенский А. В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. 166 с.
14. Соболев А. И. К вопросу об этническом взаимодействии русских, вепсов и карел на территории Андомского погоста // Studia Slavica. 2011. № 10. С. 302–313.
15. Шурыгина А. П. Новгородская боярская колонизация // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Ленинград, 1948. Вып. 78. С. 31–62.
16. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimitys // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1976. T. 1. S. 43–172.

Поступила 15.12.2018, опубликована 12.08.2019

ETHNIC STRUCTURE OF ZAONEZHIE POPULATION at the end of the XV century

Boris I. Chibisov,

*Candidate Sc. (History), Lecturer, Department of Theology,
Tver State University
(Tver, Russia), chibisov.bi@tversu.ru*

On the northern coast of Lake Onega there is the Zaonezhsky Peninsula, or Zaonezhie, which has retained a significant number of Baltic-Finnish geographical names. The medieval ethnic history of this region remains poorly researched because the Novgorod scribal books date back to the end of the 15th century and their toponymic and anthroponymic materials remain not much required by historians. The study of this material makes it possible to shed light on the ethnic history of Zaonezhie.

The research is mainly based on the scribal book of Obonezhskaya pyatina of 7004 (1495/96). The descriptive method of research consists in identifying and fixing Baltic-Finnish oikonyms (names of rural settlements) and anthroponyms mentioned in scribal book. Baltic-Finnish anthroponyms were revealed by analyzing the formal indicators of adoption of anthroponyms.

The medieval colonization of Zaonezhie by the Slavs led to mixed ethnic composition of the territory. The claims of the boyars to the local lands, mastered by the Baltic-Finnish peoples, led to conflicts in the second half of the XIV century. The names of the inhabitants of Zaonezhie are represented mainly by calendar names in the Slavic form, which reflects a significant proportion of Slavs in this region. Also, it is important to consider the influence of the Slavic cultural and religious traditions on the local Baltic-Finnish population, many of whose, judging by their names, became Orthodox.

The scribal book in the surviving fragments and earlier acts indicate that by the end of the XV century the northern coast of Lake Onega was inhabited by various ethnic groups: Slavs, Karelians and Vepsians, as evidenced by the anthroponyms and toponyms of the Zaonezhsky peninsula.

Key words: Novgorod land; scribal books; Zaonezhie; onomastics; Karelians; Vepsians.

For citation: Chibisov BI. Ethnic structure of Zaonezhie population at the end of the XV Century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 1: 73–85. (In Russian)

REFERENCES

1. Agapitov VA. On the origin of the names of the villages Voronii Ostrov, Foimoguba, Myagrozzero, Saypelda and Munozero. *Kizhskii vestnik* = Kizhi Bulletin. 2001; 6: 51–64. (In Russian)
2. Agrarian history of North-West Russia. The second half of the XV – the beginning of the XVI century. Leningrad; 1971. (In Russian)
3. Valk SN. The initial history of the Novgorod private act. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* = Auxiliary historical disciplines. Moskva, Leningrad; 1937: 285–318. (In Russian)
4. Vitov MV. Heap type of settlement in the Russian north and its origin. *Sovetskaia etnografiia* = Soviet ethnography. 1955; 2: 27–40. (In Russian)
5. Gadzyatskiy SS. Karelians and Karelia in the Novgorod time. Petrozavodsk; 1941. (In Russian)
6. Zhukov AYu. Formation of the borders of Karelia: Peasant territory development and the state (XII–XVII centuries). *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov: Gumanitarnye issledovaniia* = Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and contiguous regions: Humanitarian studies. Petrozavodsk; 2008: 7–19. (In Russian)
7. Kirillin VM. The Legend of the Tikhvin icon of Our Lady "Odigitria". *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* = Ancient Russia. Problems of medieval studies. 2004; 1 (15): 102–120. (In Russian)
8. Mullonen II. The roads of the old Tolvuya in toponymy. *Kizhskii vestnik* = Kizhi Bulletin. 2002; 7: 71–78. (In Russian)
9. Mullonen II. Toponymy of Prisvirye: Problems of ethno-linguistic contacts. Petrozavodsk; 2002. (In Russian)

10. Myuller RB. Essays on the history of Karelia XVI–XVII centuries. Petrozavodsk; 1947. (In Russian)
11. Pimenov VV. Vepsians: Essay on the ethnic history and the genesis of culture. Moskva, Leningrad; 1965. (In Russian)
12. Pimenov VV, Strogal'shchikova ZI. Vepsians: resettlement, history, problems of ethnic development. *Problemy istorii i kul'tury vepsskoi narodnosti* = Problems of the history and culture of the Vepsian people. Petrozavodsk; 1989; 4–26. (In Russian)
13. Priobrazhenskiy AV. Russian toponymy of the Karelian Seaboard and Obonezhye in historical aspect. Petrozavodsk; 2013. (In Russian)
14. Sobolev AI. On the question of the ethnic interaction of Russians, Veps, and Karelians on the territory of the Andomsky pogost. *Studia Slavica*. 2011; 10: 302–313. (In Russian)
15. Shurygina AP. Novgorod boyar colonization. *Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena* = Scientific notes of the A. I. Herzen State Pedagogical Institute. Leningrad; 1948; 78: 31–62. (In Russian)
16. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita*. 1976; 1:43–172. (In Finnish)

Submitted 15.12.2018, published 12.08.2019